

мировидения. В будущем представляется перспективным исследовать взаимосвязь времени и пространства в романе А. Ремизова «Пруд».

Список использованной литературы

1. Ремизов А. М. Пруд / А. М. Ремизов // Собр.соч.: В 12 т. – М.: Русская книга. – Т.1. – 576 с.
2. Барковская Н. В. Поэтика символистского романа / Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 1996. – 283 с.
3. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн; Пер. с нем.; Общ. ред. и предисл. И. Свенцицкой. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
4. Грачёва А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура / А. М. Грачёва. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 333 с.
5. Гусева Е. В. Роман «Пруд» А. М. Ремизова: Поэтика двоемирия / Е. В. Гусева. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2011. – 187 с.
6. Ильёв С. П. Русский символистский роман / С. П. Ильёв; 2-е изд., дополн. – Одесса: Печатный дом, 2004. – 183 с.
7. Карпов И. П. Авторология русской литературы (И. А. Бунин, Л. А. Андреев, А. М. Ремизов) / И. П. Карпов. – М.: Флинта, 2012. – 464 с.
8. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: Владос, 1996. – 416 с.
9. Темирболат А. Б. Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе / А. Б. Темирболат. – Алматы: Ценные бумаги, 2009. – 504 с.
10. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс, 1995. – 624 с.
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Г. О.Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1948 г. – Т. 3.

Елена Заднепровская

ПОРТРЕТ В ПОВЕСТИ Б. К. ЗАЙЦЕВА «ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА»

В русской литературе XX века Борис Константинович Зайцев оставил свой заметный след, создав художественную прозу, преимущественно лирическую, в центре которой – особенное чувство сопричастности всему существу: каждый человек – лишь частица природы, маленькое звено Космоса.

Он мало известен обычному читателю, но его творчество высоко оценивалось современниками: А. Блоком, В. Брюсовым, И. Буниним. Одним из первых рецензентов писателя стал А. Чехов, который назвал его «Неинтересные рассказы» талантливими. В 1902 году вышел сборник «Книга рассказов и стихотворений», где фамилия Б. Зайцева впервые фигурировала наряду с такими известными личностями, как М. Горький, И. Куприн, И. Бунин. После такого блестящего старта писателя охотно печатали во множестве журналов; первый сборник «Рассказы» переиздавался трижды.

Т. Прокопов пишет о нём следующее: «его рассказы полны чего-то невысказанного, но важного: как в хорошей картине есть воздух, так в его рассказах чувствуется психическая атмосфера – и подчас кажется, что именно эта воздушная перспектива настроения есть самый важный для него предмет изображения. Он пишет мелкими мазками, точками незначительных подробностей, легко брошенными, но вдумчивыми эпитетами; и часто, часто эти штришки разом освещают нам содержание явления, в которое мы еле вдумывались, и переводят в сознание то, что смутно ощущалось за его порогом» [4, 7].

Эта цитата свидетельствует о том, что Б. Зайцева можно отнести к писателям-импрессионистам. В частности, об этом свидетельствуют созданные им в повести портреты.

Художественная картина, которую создаёт Б. Зайцев, как правило, не сопровождается рассуждением, в его поэтике преобладают конкретно-чувственные представления над абстрактно-мыслимыми понятиями. Слова становятся намеками, выполняют не коммуникативную функцию, а вызывают неясные эмоции. Мир Б. Зайцева – мир ощущений живописных мотивов. Ему свойственен интерес к субъективным ощущениям, бессознательному. Настроение как психологическое качество, переживания даны не как реакции на событие, а как эмоции; в психике персонажей господствуют оттенки, полутона. Очевидно, что это лирическая проза, без динамического сюжета.

Персонажи Б. Зайцева – люди без единой воли, с текучим настроением, живущие в полусне, созерцающие мир. Отсюда доминантные мотивы смерти, угасания, тоски, одиночества, ухода в мир мечты.

В импрессионистическом творчестве Б. Зайцева все пронизано стремлением увидеть связь несоотносимых явлений, запечатлеть её, заметить в миге отражение смысла всего сущего. Свет у писателя выступает как объединяющая стихия мироздания. Его стиль полон ощущения праздничности бытия, ощущения жизни как праздника, подарка.

Сюжеты рассказов у Б. Зайцева просты, почти не имеют фабульного развития. Однако, несмотря на отсутствие четкого сюжета, повествование наполнено эмоциональностью, которая появляется благодаря импрессионистическому отображению настроения героя. Одухотворяя природу, Зайцев создает целостный мир, свидетельствующий о мироздании, которое свойственно импрессионизму. Ранние произведения писателя наполнены светом, что является отличительной чертой Зайцева. Солнце часто бывает главным героем в произведении. Переживания героев импрессионистического произведения, их настроения становятся выражением жизни природы в ее неразрывной связи с человеческой жизнью. «Люди в рассказах писателя – не просто дети Солнца, но и Земли, и всего мироздания. Причем, был создан двуединый образ земли-планеты, мощного источника праздника жизни, недостижимой красоты и гармонии – земли-пашни, земли-труженицы, возвращающей веками все живое» [10, 134]. Однако, несмотря на всю живописность и жизнерадостность ранних произведений Зайцева, автор часто обращается к вопросу о скоротечности человеческой жизни («Тихие Зори», «Спокойствие»), однако неиссякаемая сила природы так прекрасна, что помогает персонажу победить скорбь.

Особенность художественного сознания писателя в период его раннего творчества заключается в том, что он исповедует «философию мгновения», связь вечных ценностей, связанных с постижением христианских истин.

Одним из лучших произведений Бориса Зайцева литературоведы называют «Голубую Звезду», где «рассказывается об изломанной и нервической жизни в эти годы московских миллиардеров, интеллигентных дам, которые словно не видят, что уже три года идёт

страшная война, по сути дела, бойня, что Россия на краю пропасти, а среди этих дам то строгого, то сравнительно лёгкого поведения, три мужских персонажа... вроде бы главный герой с характерным и говорящим именем и фамилией – Алексей Христофоров, – стилистикой речевого высказывания напоминающий князя Мышкина или Алёшу Карамазова» [5, 353]. В «Голубой звезде» Зайцев делает попытку создать свой вариант «положительно прекрасного человека».

В повести нашло отражение учение Владимира Соловьёва о Вечной Женственности, а также ряд иных религиозно-философских идей. Христофоров считает голубую звезду Вегу своей покровительницей, видит в ней «голубую Деву», которая «наполняла собою мир», «соединяла все облики земных любвей, все прелести и печали, все мгновенное, летучее – и вечное. В ее божественном лице была всегдашняя надежда. И всегдашняя безнадежность»[1].

Первая глава начинается с беглого описания места. Некая комната, деревянный дом неизвестного Христофорова погружают читателя в другую реальность, в майские сумерки, которые наполняют жизнь красками.

«Христофоров оправлял галстук. Он был уже в сюртучке, довольно поношенном, собирался выходить. Голубоватые глаза глядели на него, порядочная шевелюра, висячие усы над мягкой бородкой. Он поправил узел галстука, завязывать которого не умел, улыбнулся и подумал: “чем не жених?”. Он даже ус немного подкрутил»[1].

Именно так дан автором первый портрет. Мы видим мужчину, который несколько неуверен в себе, беспокоится о своем внешнем виде, пытается выглядеть, как жених. Он – человек среднего достатка, о чём свидетельствует его поношенный сюртук, неумение завязывать галстук, что он не привык к выходу в высший свет.

Приехав в имение Вернадских, Христофоров заселяется не в комнату, а в предложенную ему надстройку. Такая особенность характеризует его, как человека непривередливого, который пережил многое, и уютиться в надстройке для него не было унижительно или неудобно. Он привез с собой свои книги. Появившиеся с его приездом в комнатке цветы указывают на его «необычные» отношения с природой. В его комнате висит репродукция картины Боттичелли «Весна». На картине изображена усеянная цветами поляна в апельсиновом саду. Бог западного ветра Зефир, преследует Хлориду, изображённую в момент превращения во Флору – у неё изо рта уже разлетаются цветы; и сама богиня цветов Флора, щедрой рукой разбрасывающая розы. Далее изображена Венера, богиня садов и любви. Её главенство художник подчёркивает не только центральным расположением, но и двумя ореолами из листьев мирта. Над Венерой расположен путто (или Амур) с завязанными глазами, направляющий стрелу в среднюю Хариту. Левее Венеры расположена группа из трёх Харит, которые танцуют, взявшись за руки. Согласно Гесиоду, это Аглая («Сияющая»), Ефросина («Благомыслящая») и Талия («Цветущая»). Средняя Харита (возможно, Ефросина) смотрит на Меркурия. Позы Харит напоминают позы дочерей Иофора с фрески Боттичелли «Сцены из жизни Моисея» в Сикстинской капелле. Далее следует Меркурий с его атрибутами: шлемом, крылатыми сандалиями и кадудеем. Боттичелли сделал его охранником сада, снабдив мечом.

Религиозные версии интерпритации исходят из того, что на самом деле речь идёт о Мадонне, а сад представляет собой запретный сад. По одной версии, правая часть картины в этом случае рассматривается как аллегория плотской любви, левая – как аллегория любви к ближнему, но высшая любовь в центре – любовь к Богу. Другая версия рассматривает

изображение на картине как три этапа путешествия по земному Раю: вхождение в Мир, путешествие по Саду и исход на Небеса.

Картина в комнате отражает духовный мир героя. Его характер не представляется читателю цельным, как и данная картина, которая раздроблена на три части. Однако, Христофоров чист душой, его мысли устремлены к Небесам.

Читатель усматривает в Христофорове несколько рассеянного мечтателя, который иначе видит окружающий мир. Он подмечает мелочи, к которым безразличны другие люди. Это делает его особенным, другим.

Христофоров, Машура и их знакомый Ретизанов посетили вечер, где в числе прочих выступала танцовщица Лабунская. В антракте, когда Христофоров напомнил Машуре, что они не виделись около месяца, «его глаза были слегка влажны, блестяли; казалось, был он очень оживлен, каким-то хорошим воодушевлением»[1].

Описание глаз в данном контексте свидетельствует о способности Христофорова к созерцанию.

Христофоров приходит к Ретизанову: они собираются на маскарад. Приятель попросил Алексея надеть фракную сорочку, галстук, бальные туфли. Христофорова удивляет эта просьба, однако он её выполняет. «Он повязал белый галстук, оправился перед зеркалом, то и ему самому стало странно: правда, показался он как-то иным, тоньше, наряднее, будто свадебное нечто, торжественное появилось в нем» [1]. Это описание напоминает первый портрет Христофорова: он снова завязывает галстук, и видит в зеркале не привычного себя, полумонаха, а жениха. Этот образ ему непривычен, но Христофорову приятно себя таким осознавать.

Покидая дом Анны Дмитриевны, Христофоров вновь и вновь предстаёт перед читателем. «В своем потертом пиджачке и мягкой, выдавшей виды шляпе, вышел из усадьбы. Глаза его были несколько расширены; и голубизна апрельского дня удваивалась в их природной голубизне»[1].

Сродни символистской и вера Христофорова в то, что его любовь – «это настоящая жизнь, а то, в чем прозябают люди, сообща ведущие хозяйство, – то, может быть, неправда»

По мысли Б. Зайцева, «положительно прекрасный человек», живущий на рубеже XIX – XX столетий неизбежно должен был попасть под влияние символистского мироощущения. Христофоров в одном из разговоров провозглашает, что «нет ничего в мире выше христианства», но тут же признается, что, может быть, понимает его «не совсем так» и считает «аристократической религией», а «множества, середины, посредственности» не любит. Это высказывание героя позволяет увидеть в его толковании христианства некоторую неортодоксальную, быть может, даже оккультную окраску. Даже заглавие повести очень символично: голубая звезда – это поэтическая устремленность к высоте, чистоте.

Выводы. Главным произведением доэмигрантского периода творчества Б. Зайцева является повесть «Голубая звезда». В ней отчетливо прослеживается следование импрессионистическому методу. И автор, и его герои воспринимают мир не рационалистически, а через чувства, ощущения. Картина мира складывается из множества фрагментов, перечисление ряда разрозненных деталей создает нужное настроение, что тоже является одной из специфических черт импрессионизма. Герой более всего ценит непрерывное движение, изменчивость бытия, что также полностью соответствует импрессионистическим принципам.

Органичное использование импрессионистического метода в повести повлияло на своеобразие портретных описаний. Для них характерны опора на первичное впечатление, фрагментарность, они не претендуют на всеохватность. Однако эти разрозненные портретные характеристики создают целостную картину и можно проследить особенности художественного мира писателя в целом, его мировосприятие.

В портретах главного героя повести Христофорова мы видим наиболее точное отображение авторского мировоззрения. В групповом портрете есть типы, противопоставленные друг другу (Машура и её противоположность – Лабунская). Автор создаёт импрессионистическую картину, в центре которой находится Христофоров, его окружает воплощение богемы.

Список использованной литературы

1. Зайцев Б. К. Голубая звезда / Б. К. Зайцев // Голубая звезда: Повести и рассказы. Из воспоминаний. – М. : Моск. рабочий, 1989. – С. 274 – 378.
2. Зайцев Б. К. О себе / Б. К. Зайцев // Собрание сочинений: в 5 т. – Т. 4.: Путешествие Глеба. – М. : Русская книга, 1999. – С. 587-592.
3. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века: [монография] / [отв. ред. В.Т. Захарова] – Н. Новгород : НГПУ, 2012. – 271 с.
4. Прокопов Т. Всё написанное мною лишь Россией и дышит. Борис Зайцев: судьба и творчество / Тимофей Прокопов // Зайцев Б. К. Осенний свет: Повести, рассказы. – М. : Советский писатель, 1990. – С. 6-30.
5. Трудное сближение: Зайцев и Степун / [публ. и примеч. В. Кантор] // Вопросы литературы. – 2012. – № 1. – С. 346-382.

Валерия Иванова

МОТИВ ЗАМКНУТОСТИ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «О ЛЮБВИ»

Интерес к творчеству А. П. Чехова и читателей и литературоведов не угасает. В своих произведениях он поднимал проблемы вечные, вневременные: любовь, предательство, страх. Ведь время идет, а люди не меняются. Простые житейские проблемы, перетекающие в более сложные жизненные обстоятельства, становящиеся проблемами массовыми, всегда будут интересны человеку. Мастерство письма Чехова всегда притягивало к себе внимание исследователей литературы. Небольшие, незамысловатые рисунки, какой-то случай из жизни, – они таят в себе глубочайший смысл, остаются актуальными всегда.

«Маленькая трилогия» заинтересовала нас именно тем, что в ней подняты универсальные проблемы, с которыми сталкивается человек и сегодня. В центре нашего внимания находится рассказ «О любви». Целью нашего исследования является интерпретация данного рассказа в аспекте проявления в нем мотива замкнутости.

Рассказ «О любви» был написан в 1898 году и впервые опубликован в августе того же года в журнале «Русская мысль» № 8. Рассказ завершает цикл под названием «Маленькая трилогия», включающий в себя еще два произведения: «Человек в футляре» и «Крыжовник». Сам цикл получил свое название благодаря исследователям творчества А. П. Чехова.